

В. В. Абашев
**УВИДЕТЬ УРАЛ: ЛАНДШАФТНЫЕ ОПИСАНИЯ
ВАС. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО И Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА***

УДК 82(470.5)

ББК 83.3(235.55)53

В статье проводится сопоставительный анализ ландшафтно-пейзажных описаний в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка и Вас. И. Немировича-Данченко. Акцент делается на роли наблюдателя в структуре описания, на его видении пространства. Как показано в статье, в ландшафтных описаниях Мамина активно работают элементы живописного кода: картина, рама, линии, штрихи и т. п. Автор эстетически ориентируется на станковую живопись, которая выступает для него моделирующим образцом. В ценностно-смысловом плане наблюдатель находится у него вне описываемого ландшафта. Он разглядывает его, любясь завершённой картиной, созданной великим художником — природой. Поэтому, даже если Мамин изображает динамический процесс, в его ландшафтных описаниях преобладают элементы статической завершённости. Немирович в своих описаниях также нередко апеллирует к живописи. Однако в самой ткани описаний элементы живописного кода встречаются редко. Апелляции к живописи у Немировича утрачивают содержательный характер и скрывают существенный сдвиг в манере изображения ландшафта. Этот сдвиг связан с активизацией присутствия наблюдателя в описании. Немирович описывает не завершённую картину великого художника — природы, он воссоздает работу зрения, вглядывания в пространство. У него вглядывание и создает картину, проявляет ландшафт из пространства. В сущности, акцент изображения у Немировича смещается на разворачивающееся пространство, и в оптическую работу разглядывания он включает читателя. Итак, в ландшафтно-пейзажных описаниях Мамина и Немировича реализуются два типа переживания пространства. Переживание ландшафта как чего-то ставшего, окончательного, отложившегося в эстетически завершённых формах отличает Мамина. Тактильно-телесное переживание пространства как разворачивающейся живой стихии намечается у Немировича.

Ключевые слова: *Д. Н. Мамин-Сибиряк, Вас. И. Немирович-Данченко, образ Урала, ландшафт*

Одна из принципиальных — и новаторских — особенностей проекта академической «Истории литературы Урала» состоит в том, что ее авторы в литературную историю региона вписывают процесс формирования ее геокультурного образа, рассматривая его как интегральный компонент истории культуры Урала.¹ Ставится задача проследить, как из географической данности Урал превращался в культурный феномен; как ландшафт, от текста к тексту накапливая черты культурной

субъектности, становился агентом отечественной культуры — «подземным царством рудников и копей», «опорным краем державы» и «хребтом России».

Процесс формирования образа Урала, вплетенный в движение демографического, экономико-производственного, путешественного и исследовательского освоения новой земли, исторически длителен, в нем можно выделить несколько этапов. В истории формирования представлений о территории важен момент, когда после «лабораторного» накопления образно-символических репрезентаций в специализированной словесности² образы земли через массовую литературу выходят к широкому читателю. Когда это произошло с Уралом,

¹ См.: История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. М., 2012. С. 18–22.

Абашев Владимир Васильевич — д.филол.н., зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь)
E-mail: vv_abashev@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта № 15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII — начала XX вв.»

² Ранние нарративы об Урале исследованы в работах: Анисимов К. В. Урал глазами путешественников: мифопоэтика, идеология, этнография // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII вв. Екатеринбург, 2006. С. 21–51; Власова Е. Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 2. С. 159–171. URL: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73> (дата обращения: 26.09.2015).

можно датировать довольно точно — рубеж 1880–1890-х гг. Главные лица в истории его литературного открытия — Д. Н. Мамин-Сибиряк и Вас. И. Немирович-Данченко. В 1888 и 1889 гг. один за другим вышли в свет два тома «Уральских рассказов» Д. Н. Мамина-Сибиряка, а годом позднее — книга очерков В. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал».

Они во всем разные, эти писатели: один — коренной уралец из демократических слоев духовенства, проживший скромную и скорее замкнутую и печальную жизнь; другой — уроженец Тифлиса, дворянин, сын офицера-украинца и армянки, исколесивший полмира, склонный к авантюрам и обладавший на редкость мажорным отношением к жизни. В истории литературы их соединил Урал: для Немировича он стал одним из эпизодов его странствий по России и миру, для Мамина он был родиной и главной темой всего творчества.

Исследование вклада Д. Н. Мамина-Сибиряка и Вас. И. Немировича-Данченко в литературное открытие Урала, в создание образа этой земли — задача увлекательная и многоаспектная. В настоящей статье мы наметим подход к пониманию лишь одной ее грани — особенностей ландшафтно-пейзажных описаний Урала у этих писателей. Такой выбор вряд ли требует обоснования: ведь именно природные ландшафты составляют важнейший — и «видимый» — компонент образа территории.

Проза Вас. И. Немировича с точки зрения не то что пейзажа, но и поэтики в целом, совсем не изучена. До сих пор сказывается инерция иерархически-ценностного подхода к изучению отечественной словесности: массовая литература и XIX, и XX вв. остается terra incognita. Мамину-Сибиряку в этом смысле повезло значительно больше: статус регионального культурного героя — «певца Урала» — обеспечил ему постоянное внимание литературоведов, уральских по преимуществу. Его творческое наследие достаточно хорошо изучено и продолжает оставаться предметом внимания в многочисленных исследованиях. Среди них есть отдельные работы, посвященные ландшафтно-пейзажным описаниям Мамина.³ В них встречаются ценные наблю-

дения, но пока не предложено целостного взгляда на ландшафтное видение Мамина. В существующих работах ландшафтно-пейзажные описания рассматриваются в отвлеченности от вопроса о концепции восприятия пространства и без учета роли наблюдателя. Мы же исходим из того, что конститутивным элементом ландшафта как феномена культуры является «усилие, которое прилагает созерцающий субъект», что наблюдатель «создает бытие места, обращая на него свой пристально разглядывающий взор».⁴ Именно этот аспект и будет в центре нашего внимания.

Сразу стоит оговориться, что у нас нет цели выяснять, кто из них, Мамин или Немирович, больший художник. И у того и у другого есть замечательные пейзажные описания, и у того и у другого встречаются и на вкус современного читателя детали, сохранившие художественную суггестивность. Например, у Мамина в «Бойцах» «весна гудела на улице, точно в воздухе катилось какое-то громадное колесо».⁵ Или у него же в «Золотухе» представлена колористическая феерия заката: «Вечерняя заря догорала, окрашивая гряды белых облаков розовым золотом; стрелки елей и пихт купались в золотой пыли».⁶ А вот, возможно, прямой предшественник сакраментального «звука лопнувшей струны» «Где-то издали слышится резкий и звучный крик лебедя... Точно какая-то металлическая толстая струна лопнула, и последний предсмертный крик этой струны дрожит над молчаливой окрестностью».⁷ Это мы читаем у Немировича, и, кажется, комментаторы Чехова пока не заметили очевидной параллели.⁸ Вот, кстати, лишнее подтверждение необходимости изучать массовую литературу: она образует ту общую почву, в которой созревают и мотивы литературы высокой.

бург, 2013. С. 49–64; Мельникова А. В. Уральский ландшафт в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка первой половины 1880-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1 (2). С. 191–193.

⁴ Ottum L. Discriminating Vision: Rereading Place in Wordsworth's Guide to the Lakes // Prose Studies. 2012. Vol. 34. № 3 December. P. 179.

⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений в 20 т. Екатеринбург, 2011. Т. 5. С. 185.

⁶ Там же. С. 362.

⁷ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890. С. 417.

⁸ Среди литературных прецедентов обычно упоминаются стихи Гейне, стихотворение в прозе Тургенева «Нимфы» и его рассказ «Бежин луг», а также более ранний рассказ Чехова «Счастье». См.: Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. М., 1989. С. 249, 250.

³ См.: Дергачев И. А. Пейзаж у Д. Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функция // Модификации художественных форм в литературном процессе. Д. Н. Мамин-Сибиряк — художник: сб. науч. тр. Свердловск, 1989. С. 38–56; Кунгурцева Н. А. Уральский ландшафт в произведениях Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: Итоги и перспективы изучения. Екатеринбу-

Прежде всего скажем, что у Мамина и Немировича в их ландшафтно-пейзажных описаниях можно обнаружить много общего. Репертуар их риторических средств описания сходен: та же, порой несколько наивная, антропоморфизация деталей ландшафта, с уклоном в сказочный колорит (деревья и скалы — великаны или воины и т. п.), сравнение гор, покрытых лесом, с застывшими морскими волнами, а нагромождения скал — с руинами фантастических городов. Даже в частности оба писателя порой совпадают: и тот и другой постоянно обыгрывают сравнение очертаний пихт и елей с линиями готических соборов. Любопытно было бы выяснить, кстати, из какого источника они почерпнули эту архитектурную метафору?

И все же, хотя Мамин и Немирович пользуются средствами выразительности из общего арсенала средств художественно-публицистического языка, их манера вполне индивидуальна.

Прежде всего отметим существенную и естественную, вытекающую из жизненного и писательского опыта, разницу в их позициях наблюдателей. Мамин, как это уже отметил в свое время И. А. Дергачев,⁹ в ландшафтных описаниях часто употребляет формулы географической уникальности. Приведем несколько примеров: «Погода стояла великолепная, как это бывает только в конце июля на Урале»;¹⁰ «летнее утро было хорошо, как оно бывает хорошо только на Урале»;¹¹ «над Самосадкой стояла прелестная летняя ночь, какие бывают только на Урале»;¹² «весенняя белая ночь стояла над горами, над лесом, над рекой. Такие ночи бывают только на Урале».¹³ При

этом столь настойчиво декларируемая уникальность не вполне проявляется в описании, которое остается в рамках литературной конвенции. В этом смысле характерно описание летней ночи в «Золотухе». Начинается оно привычной декларацией: «Трудно себе представить что-нибудь оригинальнее уральской летней ночи».¹⁴ Но по мере развертывания описания опытный читатель узнает в нем вариацию знаменитой гоголевской ночи.

Иной взгляд на виды Урала у Немировича. Река Кизел, замечает он, «живо напоминает мне реку Тириберку на Мурмане, только последняя обставлена более грандиозными массами полярных гор».¹⁵ В долине Яйвы его окружили заросли шиповника, и он снова вспоминает картины Русского Севера: «Шиповнику гибель, и аромат его наполняет окрестность. Нежные лепестки несутся по ветру. Меня поразило главным образом не то, что он забрался так далеко к северу: летом шиповник можно встретить и в Лапландии, по пути от Колы к Кандалакше, — а густая окраска его цветов».¹⁶ Как видим, если Мамин декларирует уникальность уральских видов, то Немирович, напротив, встраивает их в ландшафтную типологию страны.

В этом расхождении проявляется структурное различие точек зрения писателей по отношению к Уралу — внутреннего и внешнего наблюдателя. Как мы знаем, полнота эстетического освоения предмета обеспечивается позицией «внеаходимости», дистанцией. Ведь и коренной уралец Мамин подчеркивал, что увидеть Урал ему помог опыт жизни вдали от него. «Нужно было долго пожить вдали от родины и потолкаться среди разного чужого люда, — писал он в автобиографии, — чтобы перед ... глазами выступила с особенной рельефностью бойкая и оригинальная жизнь» Урала.¹⁷ «Региональное пространство в сознании Мамина, — пишет один из современных комментаторов писателя — это родной мир, который неотделим от внутренней сущности автора».¹⁸ Это комплиментарное (в контексте высказывания) суждение обнажает в то же время и проблему. Не был ли Мамин слишком «внутри Урала», чтобы вполне оценивать

⁹ «Л. Толстому, как и И. Тургеневу, не надо было рисовать локальный пейзаж, говорить о его определенной географической мете: личные эмоциональные состояния или философское самоосмысление личности в процессе созерцания природы не могут быть «местными». Реализм же Мамина-Сибиряка, социологический по всем принципам, тяготеет к реально обозначенным географическим определениям пейзажа. Жизненная конкретность, которая, разумеется, есть у Толстого, Тургенева, и та же конкретность у Мамина-Сибиряка имеют разные параметры. В рассказах уральского писателя это проявляется в настойчивом обозначении географического места, к которому прикреплен пейзаж» (Дергачев И. А. Указ. соч. С. 52).

¹⁰ Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений в 20 т. Т. 5. С. 345.

¹¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо. В горах. Екатеринбург, 2002. С. 241.

¹² Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца. Екатеринбург, 2002. С. 135.

¹³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранные сочинения. М., 1953. С. 48.

¹⁴ Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений в 20 т. Т. 5. С. 330.

¹⁵ Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. С. 216.

¹⁶ Там же. С. 213.

¹⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Собр. соч.: в 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 8.

¹⁸ Кунгурцева Н. А. Указ. соч. С. 64.

меру его своеобразия? И не потому ли он так настойчиво, из чувства местного «патриотического априори», декларировал уникальность уральских ландшафтов?

У Немировича, в сравнении с Маминым, было все же преимущество дистанции (мы имеем в виду преимущество взгляда со стороны). Немирович на Урале, в силу естественной позиции «внеаходимости», оказывался более чувствительным к специфике чужой для него жизни и к особенностям нового ландшафта. Обострял силу взгляда и его опыт путешествий: до поездки на Урал Немирович основательно изучил Русский Север, путешествовал по Волге и Каспию, бывал в Малороссии и на Кавказе и обладал, как показывает его путевая очеркистика, развитым чувством места. Увиденное на Урале воспринималось им на фоне геопанорамы России.

Приведем описание Немировича (вызванное, кстати, едкий комментарий Мамина) — вид на Закамье с высокого пермского берега. «Противоположный берег низмен и, насколько хватит взгляд, верст на пятьдесят вперед покрыт сплошным величавым северным лесом. Отсюда, сверху, видны только вершины этого леса, уходящего в бесконечность, мерещущиеся и там, где уже ничего нельзя разобрать... Матовые, мягкие, бархатистые зеленые облака... Не оторвешься от них, как не оторвешься от картин Заволжья с нижегородского откоса, от саволакских далей с горы Пойю в Финляндии, от вида Подола и Заднепровья в Киеве... Ужасно напоминает эта даль одну из лучших картин барона Клодта, где все полотно залито могучей ширью северного лесного царства».¹⁹

Здесь ярко проявляются два важных момента: с одной стороны, та же тенденция вписать новые виды в ландшафтную типологию России; с другой, — очень важное эстетическое представление — апелляция к живописи как к более совершенному в запечатлении ландшафта искусству. В такой апелляции Мамин и Немирович единодушны. Они в один голос повторяют, что очень жалко, что художники еще не добрались до Урала, не запечатлели его видов, что слово бессильно передать его красоты, что природа — великий художник. Но в какой мере каждый из писателей в своих ландшафтных описаниях ориентируется на эстетику станковой картины?

Что касается Мамина, в его описаниях настойчиво появляются элементы живописного кода. Из них особенно важен эффект рамы, как бы отделяющий наблюдателя от ландшафта. Из многочисленных примеров приведем два. Вот описание лесной панорамы в «Золотухе»: «На западе, из-за зубчатой стены хвойного леса, придавленной линией, точно валы темно-зеленого моря, поднимались горы все выше и выше; самые дальние из них были окрашены густым серо-фиолетовым цветом. Вся эта картинка прииска была вставлена в темно-зеленую раму дремучего хвойного леса, заполонившего все кругом на сотни верст».²⁰ Другой пример из «Бойцов»: «Распахнув окно (вот она — рама. — В. А.), я долго любовался расстилавшейся перед моими глазами картиной бойкой пристани ... любовался Чусовой, которая сильно надулась и подняла свой синевато-грязный рыхлый лед, покрытый желтыми наледями и черными полыньями, точно он проржавел; любовался густым ельником, который сейчас за рекой поднимался могучей зеленой щеткой и выстилал загораживавшие к реке дорогу горы».²¹ Эти описания проявляют важную особенность пейзажей Мамина: в ценностно-смысловом плане повествователь находится у него как бы вне описываемого ландшафта, он разглядывает его, любясь завершённой картиной, созданной великим художником — природой.

Иными словами, в ландшафтно-пейзажных описаниях Мамина эстетически доминирует ориентация на станковую живопись. Поэтому, даже если он описывает динамический процесс, в его ландшафтах преобладают моменты статической завершенности. Характерно в этом смысле описание паводка на Чусовой в «Бойцах»: «День выдался пасмурный. Горы казались ниже, по серому небу низко ползли облака не облака, а какая-то туманная мгла, бесформенная свинцовая масса. Чусовая играла на славу, как вырвавшийся из неволи зверь. С глухим ревом и стоном летел вниз пенистый вал, шипучей волной заливая низкие берега и с бешеным рокотом превращаясь на закрутлениях береговой линии в гряды майданов, то есть громадных белых гребней. Картина для художника получалась самая интересная: в этом сочетании суровых тонов сказывалась могучая гармония разгулявшейся

²⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений в 20 т. Т. 5. С. 330.

²¹ Там же. С. 85.

¹⁹ Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. С. 134.

стихийной силы».²² Замыкающая описание фраза мгновенно умирляет разгул стихии, превращая его в гармонию «сочетания суровых тонов» на полотне воображаемого художника. Живопись выступает моделирующим началом повествования.

Вас. И. Немирович-Данченко, в своих описаниях также нередко апеллирует к живописи. Вот по дороге на Артемовский рудник он наблюдает «нигде не повторяющиеся картины великого художника — природы»; вот, рассматривая берега Косьвы, сетует на бессилие слова: «...не опишешь — рисовать надо».²³ Однако в самой ткани описаний элементы живописного кода встречаются редко, и складывается представление, что у Немировича апелляции к живописи утрачивают содержательный характер и скрывают существенный сдвиг в манере изображения ландшафта. Этот сдвиг связан с активизацией присутствия наблюдателя в описании.

В подтверждение приведем типичное для Вас. И. Немировича-Данченко ландшафтное описание. Он любит панорамные описания окрестностей с вершины горы или холма. Выразительны описания долины Яйвы с горы у деревни Камень, панорамы окрестностей Кизела с вершины Коршуновской копи, вида на Уральский хребт с горы Белый Спай, а излучин Косьвы и горы Ослянки из дома управляющего Троицким рудником, вида с Суксунской горы, панорамы Екатеринбурга с Плешивой горки и Верх-Нейвинска и его окрестностей — с Сухой горы.²⁴

Остановимся для примера на последнем из перечисленных описаний — на панораме Верх-Нейвинска с Сухой горы: «На север виден Тагил, кругом верст на сорок открываются дали, то полные сурового и мрачного величия, то приковывающие к себе взгляд идиллическою прелестью долин и полей, раскидывающихся под вами. <...> Дальше всего видно на юг. *Вон* два пруда... Сегодня, после вчерашних туч и холода, солнце пригрело землю и пруды, точно клочки голубого неба улыбаются из своих глубоких падей. Между ними — серебряная нить извиистой ... Нейвы. Кое-где, далеко, ложатся темные черточки просек. Из лесов поднимаются дымки. *Мерецатся* какие-то пятна; только взглядевшись, отгадываешь в

них захоластное село или затерянный в глуши завод. Внизу, прямо под ногами, разбегаются во все стороны белые улицы Верх-Нейвинска; прямо подо мною две церкви, круглое башенное строение, где помещается управление завода, и другие дома. Кажется, *на этот золотящийся крест храма можно прыгнуть. Крыша его — вот тут*. Видны голуби, засевшие на ней... *Вон*, направо, голубеет какая-то речонка: то спрячется в рощу, то забежит за утес, то снова и совсем уже неожиданно покажется и блеснет. <...> На запад вершины грозных и сумрачных гор заслонили даль. Между ними и покрытой лесами пониью, подступающей к самому Верх-Нейвинску, — Рудянское озеро. *Мы видим только ближайшую кайму его* — дальше оно переходит в туманную полосу. Туманная полоса точно сливается с небом, и на нем уже висят вершины, точно они не имеют ничего общего с землею, точно сейчас повеет ветер и унесет их далеко, далеко... На север — целый стан гор и холмов. <...> Между ними дорога в Нейвинск то выбежит желтым зигзагом, то опять уйдет... Редки золотые пятна овсяного посева, редки зеленые разливы логовин... <...> *Вон* гора Верхнего Тагила смелым взлетом рванулась в высоту — да не удалось ей отделиться от мощно захватившей ее земли; и так стоит она, одинокая, недовольная, утопая в небе, манящем ее к себе (курсив мой. — В. А.)».²⁵

Как видим, в пейзажных описаниях Немировича, в сравнении с Маминым, активность наблюдателя, субъекта описания, обнаруживается более явно, возникает эффект работы разглядывания, всматривания в окружающее. Этот процесс в ходе развертывания описания проявляется, например, в ориентирующих жестах, выраженных, в частности, указательными местоимениями (*этот*), наречиями (*тут*), частицами (*вон*). Они создают эффект сиюминутности происходящего. Наблюдатель обнаруживает себя не как абстрактная точка зрения, а непосредственно в спонтанности процесса рассматривания. Важно отметить симптоматичное проникновение в описание ландшафта сигнатур телесности наблюдателя, обостряющих эффект спонтанного оптического процесса. Во-первых, Немирович акцентирует само усилие взглядывания («*мерецатся*», «*взглядевшись, отгадываешь*»). Во-вторых, в описании открывается живое ощущение пространства,

²² Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений в 20 т. Т. 5. С. 234.

²³ Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. С. 225, 429.

²⁴ Там же. С. 206, 264, 376, 377, 415, 416, 524, 525, 588, 642.

²⁵ Там же. С. 642.

провоцирующего ответный телесный жест («Кажется, на этот золотящийся крест храма можно прыгнуть. Крыша его — вот тут»).

Итак, Немирович не описывает завершённую картину великого художника — природы, а воссоздает работу зрения, взглядывания в пространство. У него этот процесс взглядывания и создает картину, проявляет ландшафт из пространства. В сущности, акцент изображения смещается на развертывающееся пространство, и в эту работу разглядывания он включает читателя. Возникает эффект спонтанности, мы втягиваемся в сиюминутное становление ландшафта.

Активность наблюдателя, проявляющаяся в работе взглядывания, можно обнаружить и в отдельных ландшафтных описаниях Мамина. Приведем один пример: «Горы были покрыты диким дремучим лесом. Ели и пихты, как рать великанов, заполнили все кругом на сотни верст, только их готические вершины выскакивали из этой сплошной темно-зеленой массы и придавали ландшафту строгий, угрюмый характер. Вглядываясь в эту траурную зелень, глаз отыскивал и здесь оригинальную могучую красоту: свет и тени, резкие контуры и темные цвета складывались здесь в удивительную картину».²⁶ Как видим, работа зрения у Мамина и Немировича разнонаправлена: вглядываясь в ландшафт, Мамин проявляет в его хаосе завершённую картину, которая описывается в терминах живописи («свет и тени, резкие контуры и темные цвета»); Немирович же включает читателя в процесс становления ландшафта в развертывающемся перед взглядом пространстве.

В итоге у Немировича происходит «динамизация» ландшафта: в него вводится процессуальность, момент становления. Уже отмечалось ранее, что и Мамин, и Немирович часто сравнивают гряды покрытых лесом гор с застывшими морскими волнами. Это стертый

общелитературный троп. Но вот что происходит с ним у Немировича: «С вышки коршуновской шахты видны окрестности, верст на сорок кругом. Точно волны океана застыли в момент спокойной зыби, так отлоги, так мягки эти горы. Кажется, вот-вот они проснутся и покатаются зелеными грядами к каким-то неведомым берегам. И все эти шахты и заводы, как корабли, застигнутые ветром, заколышутся на мерно волнуемом просторе этого величавого моря. <...> Желтыми змеями по лесам разбегаются дороги. Не то озеро, не то речной плес светится направо. Клочок голубого неба, заброшенный в лесную дрему. Вон в смутном тумане синей дали мерцает у горы такое же озеро ... светится как звезда, прорезывая отраженным сиянием своим этот ... прозрачный, смолистым ароматом напоенный воздух. Вон между двумя окаменевшими в форме гор волнами вынырнула и точно ждет попутного ветра, вся на виду, маленькая белая церковь, кажется уже распутившая свои паруса».²⁷ Пронизывающее описание горного ландшафта и рожденное им чувство полета — это телесное переживание наблюдателя, спроецированное на расстилающееся перед ним пространство.

Два типа переживания пространства отпечатываются, таким образом, в ландшафтно-пейзажных описаниях Д. Н. Мамина-Сибиряка и Вас. И. Немировича-Данченко не как окончательные и исключительные формы, а как тенденции. Переживание ландшафта как чего-то ставшего, окончательного, отложившегося в эстетически завершённых формах отличает Мамина. Тактильно-телесное переживание пространства как разворачивающейся живой стихии намечается у Немировича, который переживал своего рода восторг пространства, вовлеченность в его разворачивающееся движение. И это позволило ему увидеть, чувственно ощутить в уральском ландшафте его смысл — движение теллурических энергий.

Vladimir V. Abashev

Doctor of Philological Sciences, Perm State National Research University (Russia, Perm)

E-mail: vv_abashev@mail.ru

²⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. В камнях // Собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 1. С. 140.

²⁷ Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. С. 264.

SEE THE URAL: LANDSCAPE DESCRIPTIONS
BY VAS. I. NEMIROVICH-DANCHENKO AND D. N. MAMIN-SIBIRYAK

The article is a comparative study of landscape descriptions in the works by D. N. Mamin-Sibiryak and Vas. I. Nemirovich-Danchenko. The author focused on the role of an observer within the structure of description, and his vision of the environment. As was shown in the article, in landscape descriptions by Mamin the emphasis was made on graphic code elements: picture, frame, lines, touch, etc. The author's aesthetic perception was based on easel painting categories, which served for him as a modeling pattern. From the value and meaning perspective the observer was placed outside the described landscape. He looked at it enjoying a perfect work of art created by a great artist — nature. Therefore, even when Mamin described a dynamic process, his landscape descriptions were dominated by the elements of static completion. Nemirovich in his descriptions also often referred to painting. However, within the descriptions texture there were very few graphic code elements. References to painting in the works by Nemirovich lost their content and concealed a significant shift in the landscape description manner. This shift was associated with greater emphasis on the presence of an observer in the narrative. Nemirovich described not a completed picture created by a great artist — nature, but rather recreated the work of vision, closely observing the environment. In his works it was this observation that created the picture, developed the landscape from the general environment. In fact, in Nemirovich's writing the image emphasis was shifted towards the unfolding environment, and he involved the reader into the optical work of close observation. Thus two types of perception of the environment were realized in landscape descriptions by Mamin and Nemirovich. Mamin perceived landscape as something final, molded in aesthetically perfect forms. Whereas Nemirovich preferred the tactile, physical perception of the environment as a gradually unfolding living nature.

Keywords: *D. N. Mamin-Sibiryak, Vas. I. Nemirovich-Danchenko, image of the Urals, landscape*

REFERENCES

- Anisimov K. V. *Ural glazami puteshestvennikov: mifopoetika, ideologiya, etnografiya* [Urals eyes of travelers: mifopoetika, ideology, ethnography]. *Literaturnyy protsess na Urale v kontekste istoriko-kulturnykh vzaimodeystviy: konets XIV–XVIII vv.* — Literary process in the Urals in the context of historical and cultural interactions: end of the XIV–XVIII centuries. Ekaterinburg: Izdat. dom «Soyuz pisateley» Publ., 2006, pp. 21–51. (in Russ.).
- Dergachev I. A. *Peyzazh u D. N. Mamina-Sibiryaka: shkola, struktura, funktsiya* [Landscape at D. N. Mamin-Sibiryak: school, structure, function]. *Modifikatsii khudozhestvennykh form v literaturnom protsesse. D. N. Mamin-Sibiryak — khudozhnik: Sbornik nauchnykh trudov — Modifications of art forms in literary process. D. N. Mamin-Sibiryak — the artist: Collection of scientific works.* Sverdlovsk: Izd-vo Uralskogo gos. Uni. Publ., 1989, pp. 38–56. (in Russ.).
- Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v.* [History of literature of the Urals. End of the XIV–XVIII century]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ, 2012. 608 p. (in Russ.).
- Kataev V. B. *Literaturnye svyazi Chekhova* [Literary communications of Chekhov]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo Uni. Publ., 1989. 264 p. (in Russ.).
- Kungurtseva N. A. *Uralskiy landshaft v proizvedeniyakh Mamina-Sibiryaka 1880-kh gg.* [The Ural landscape in Mamin-Sibiryak's works the 1880th.]. *Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiryaka: Itogi i perspektivy izucheniya — Creative heritage of D. N. Mamin-Sibiryak: Results and prospects of studying.* Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii Publ., 2013, pp. 49–64. (in Russ.).
- Melnikova A. V. *Uralskiy landshaft v maloy proze D. N. Mamina-Sibiryaka pervoy poloviny 1880-kh godov* [The Ural landscape in small prose of D. N. Mamin-Sibiryak of the first half of the 1880th years]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2013, no. 1 (2), pp. 191–193. (in Russ.).
- Ottum L. *Discriminating Vision: Rereading Place in Wordsworth's Guide to the Lakes.* *Prose Studies*. Vol. 34, no 3, December 2012, pp. 167–184. (in English).
- Vlasova Ye. G. *U istokov obraza Urala: otchety ob uchenykh puteshestviyakh kontsa XVIII v.* [At sources of an image of the Urals: reports on scientific travel of the end of the XVIII century]. *Kulturnaya i gumanitarnaya geografiya — Cultural and humanitarian geography*, 2013, Vol. 2, no. 2, pp. 159–171. Available at: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73> (accessed 26.09.2015).